

Эстетика / рассказ

Category: Некаўалар, Кітарсу

напісана кітарсу | 24 январа, 2025

Эстетика / рассказ ЭСТЕТИКА

Леха Герасимов вяловато, деревянными пальцами, сковырнул завихрение масляного мазка. Всю ночь он ему снился. Покоя не давал. Восстановление эстетики не принесло ожидаемого удовлетворения. Стало, как будто даже и хуже. Почти до холста продрался. Едва дырку не сделал. На полотне, по яично-желтому ржаному полю, под лазорево-эмалевым небом – шествовали косари. Перифраз Малевича. Несомненно. Но, в Лехиной манере. В свое время картина многим понравилась. Даже грант какой-то с ней, помнится, сорвал. Да... но пускай себе и дальше шагают косари... в никуда. Когда-то они были яркими. В сквозных контрастных цветах. Сейчас поблекли. Шли по ржи – стали ржой. Возделывали рожь – возделала их рожь. Во снах то косари представляли прежними. Будто только закончил. Ну, да бог с ними. Леха уже отвлекся. Разглядывал свои пальцы. До чего же мерзко они оболванились. Кончики опухли. Стали невосприимчивы. От всякого прикосновения едва продирается долгое эхо былой чувствительности. Как звук улицы через грязный поролон в рамах окон. В таких окнах – мухи задыхаются.

Леха взялся за кисть. Попробовал сначала клювом пясть сложить. Но времена изящности прошли. Грубо втиснул в ладонь стержень кисти, передавив шею обжимного кольца большим пальцем. Душитель. Теперь только так. Алкоголизм стал менять его анатомию. В процессе переформовки Лешенька.

Внезапным порывом Герасимов бросился к зеркалу. «Бороды, бороды надо побольше припустить», – лихорадочно думал он. Борода у него и так присутствовала, но он прав, брыли щек теснили ее, краями взбухая тестом. Багрово-бледным, в прожилках лопнувших сосудов, тестом: «И волос сверху и боками. Прекрати уже стричься! Совсем. Зачем ты стрижёшься?»

Герасимову было уже три годика. Три годика, как за сорок. О, прекрасно он помнит рубеж тот. Ну, который не отмечают.

Напился в свинью и воспарил в облака под соответствующую музыку Pink Floyd. И понял, что если раньше он жизнь свою раскатывал перед собой, как ковровую дорожку, то отныне будет ее закатывать вспять. В длину – она кончилась. Закатывать, до тех пор, пока и сам в рулоне не скроется. Нашлась бы добрая душа и тихой безлунной ночью этот скатанный куль перегнула бы через бедро подоконника и выбросила. Незаметно бухнулся бы в кромешные кусты с тихим пыльным всплеском... плюх-х-х...

В лучшие свои годы, Герасимов был весьма недурен собой. Типичной артистической внешности. Шаблонной. Такой – художник, художник. Сам он, этим весьма раздражался. Как будто из соответствующих стойл его на выпас жизни выпнули. И хотя, стойла и отдельные, но стадо то общее. А Леха не хотел быть частью стада. Но всё-таки талант то – своеручный. Отмечали оригинальность видения. Ну, те, которым отмечать положено. Посторонние. Так вот, – недурен собой в лучшие годы. Но возраст и порок уже давно вели непримиримую борьбу с внешним обликом Герасимова. А ведь он свyksя с ним... с обликом этим. И умозрительно, как и все мы, так себя и представлял. Не заметил, как проворонил тот момент, когда уже перестал соответствовать. Возраст, пьянка, творческий кризис – все это ежедневно потихоньку перекраивало Леху. Лепило из него дурноту какую-то. Герасимов уже не просто предчувствовал поражение. Внутренне, он уже капитулировал. И сейчас, пытаясь ладонями затолкать щеки на прежние рубежи и взболтать мешки под глазами, Герасимов вспомнил о своей непреходящей тоске.

Леха обдал кипятком овсяные хлопья и сдвинул тарелку в сторону, настояться. Подвальное помещение его мастерской обделено светом. Одно окно. Если изнутри смотреть, то окно – под самым потолком, а если с улицы, то – чуть повыше тротуара. Герасимов, словно жил в норе. Сумрачно. Подслеповатый крот. Но сегодня, солнце подошвой шаркнуло, проходя мимо его затянутого паутиной окошка и Леха вспомнил, что весна. А оттого, еще тоскливей ему стало. Герасимов был одинок и, особенно по утрам, был одолеваем тоской по бабе.

На фоне разлитого в пространстве меда солнца, коньяк в початой бутылке напоминал цветом морилку. Поморщившись, Леха изрядно

плеснул в стопку и стоически это в себя затолкал. Его почти сразу приподняло, выхватило из дурноты, и в кратком одухотворении закусывая разбухшей овсянкой, он решил, что сегодня точно изменит свою жизнь. Кардинально. Одиночество хорошо, когда молод. Когда пишется. Перспективным начинающим художникам – оно очень идет. А всего вышеперечисленного о Лехе уже не скажешь. Задыхается он в своей собственной компании. Семья, по-прежнему представлялась ему чем-то пошлым. Дети, там, какие-то... Но вот просыпаться не в одиночестве... упершись в теплые женские ягодички... рука об руку бродить по строберри полянкам... Полный решимости, насвистывая Битлз, Герасимов стал собираться.

Леха давно не удивлялся. Нового не видел... ничего. Выставки сменяли друг друга. Выставки однокашников по худграфу. Но ничего нового. Те, кто обретался в пресных пейзажах, те и поныне засушивали сухари рощ. А еще – общество мертвой природы. И таких в достатке. Особенно среди девушек... сейчас уже тетенок. Любили они, почему-то, груш по сусальному блюду раскидать. Акварелькой по-мокрому. Симптоматично. И пресловутый авангард не радовал. По-прежнему в мусоре копались, варили какие-то трубы, водружая на них: либо чучела тварные, либо баб заголенных. Бабы, это впрочем, неплохо. По бабам, как выше заявлено, у Лехи – тоска. Но, в общем, провинциальное искусство походило на пятно вовремя не смытой пены после бритья. Подсохло. Коркой покрылось. Закаменело. Встречаешь друзей, коллег, а у них за ухом, на подбородке, на шее – пятнышко это стыдное. Порша. И сказать то неловко. Да и привыкли вроде как уже все. Герасимов рано это понял, и писать прекратил. Всё ждал нового языка. Эстетики. Средств изобразительных. Что, осенит. Временами возникало ощущение: вот оно! Пришло! Вновь почувствовал. Накрыло! Но стоило холстину из кладовки выволочь, вымочить кисти, замешать палитру; и подкатывало уже другое – удушье, тошнота, бессилие. Опять обманулся. Рано?... Или уже поздно?... К чертям!

Леха бродил по залам художественной школы. Выставка друга. Сани Жукова. Он сейчас директор художки. Повезло. Теплое местечко. Выставки у него регулярные. Саня еще в вузе любил

все регулярное. Кишечник по часам опорожнял. Очень расстраивался, когда не получалось. Злился на всех, будто это сторонний заговор какой. Пару раз в год он зазывал Герасимова. Однажды только Леха проштрафился. Когда заметил старому другу, что он чередует полотна, выставляя одно и то же, в разных экспозициях. Шулерство. Саня долго тогда на него посмотрел. Серьезно ли? Герасимов был поддат и пошел на принцип: да, дескать, серьезно – профанация и надувательство. На следующий вернисаж был демонстративно не зван. Впрочем, он и сам видимо стал составной частью регулярности жизни Жукова, и отлучение продлилось недолго.

– Как тебе? – подкравшись сзади, под локоток прихватил друга Жуков.

Герасимов стоял напротив полотна в человеческий рост, на котором, по задумке автора, грачи обживали скворечник. Грачи походили на грозный символ США – орланов, а в круглое отверстие скворечника, могла бы без труда уместиться голова Лехи. Вся целиком. Он боролся с искушением попробовать. Но из окон за их спинами на холст бескомпромиссно било полнокровное весеннее солнце и там, где оно полностью высвечивало краски – становилось терпимо.

– Терпимо, – так и сказал Герасимов. – Местами...

– Ты тоже местами... редкими, – беззлобно огрызнулся Саня. – Познакомься кстати.

– А?.. – обернулся Леха, щурясь от солнца.

– Ольга Дмитриевна Ланская, галерист из Питера.

Лицо женщины проступало сквозь белые пятна солнечной слепоты. Медленно проявлялось, словно нагоняло Герасимова. Давно за ним бежало. Может всю жизнь. Вот-вот настигнет. Такие мысли сквозняком прогнало через похмельные казематы его мозга. Вот он о чем... о ком, оказывается, тосковал.

– Алексей, – словно бы выплюнул свое имя в платочек Герасимов и сконфуженно его презентовал.

– Очень приятно. Наслышана. Ваши работы... особенно ранние, замечательны.

– А у него только ранние и есть. Или ты вновь записал? – ревниво поинтересовался Жуков.

– Саня, тебя жена вроде как обыскалась, – не глядя на друга, сбрил того Герасимов. – Или уже нашла?

Ольга Дмитриевна была женщиной, а оттого, в глазах Лехи, уже стояла в одном ряду с весенним солнышком и перестуком капли. То есть – была изумительна и эстетически безупречна. Тоска ведь у него. Заволокло зенки. Присмотрись он попристальней. Шагни немножко за себя. То увидел бы, что Ольга и вовсе не нуждается в приукрашивающем мороке его тоски. Сама по себе – интересна. По-земному. По-настоящему. Но Герасимов, привычно себе, плелся в хвосте идиллических вождедений, ухватившись за благосклонно поданную руку Ланской. Лишь различал, что да, волосы у нее прилежно крашены в белое, по-столичному, дорого и без проглядывающих сажей корней. И шея, вроде как, чистая. Не запорошена родинками там всякими. Изгибается. Плавно в плечики переходит, как будто, так и надо. «А ведь так и надо», – вспоминает он.

– Какими судьбами к нам? – спрашивает Леха, разминая сухой бумажный язык.

– Жуков выставляется! Как такое пропустить.

– Seriously? – с опасливым сомнением интересуется Герасимов.

Ольга, премило мотает головой, заговорщицки приставив указательный пальчик к губам. Движение ее подбородка по косым мышцам шеи плюхается в межключичное пространство и оттуда резонансом отдается в груди. Под блузкой волнительно вздрагивает и колышется. Леха вздрагивает в ответ. Пытается загнать проступившую на ладони испарину вспять. Не справляется. Меняет руку и плетется дальше следом.

– За талантами приехала. Новые имена ищу.

– К нам?..

– К тебе.

Ланская смотрит в глаза Герасимова, где-то с секунду балансируя на грани серьезности, а затем вновь смеется. Но ровно так, чтобы сказанное выше не было оспорено этим ее смехом и не совсем превратилось в шутку. Так чтобы не лишиться Герасимова надежды, но и не совсем обнадеживать. Играет.

– Я давно не пишу.

– Никто не пишет.

– Но я то, действительно...

– Ну-ну, – ободряет она Леху, словно раздувшего щеки мальчика.

Несколько раз прошли во всю длину выставки. Послушали дежурную речь Жукова, в которую он уже лет пять как не вносил изменений. Облопались дешевого выдохшегося теплого шампанского. А затем, как-то естественно и сразу, оказались на улице. Сколько времени? Снаружи уже смеркалось. Весной всегда так. Без перехода. Их пара была в авангарде покидающих выставочный зал. Леха чувствовал, что пока он под руку с Ланской, пока они едины, то он и сам обретается неким авторитетом. Начинает отсвечивать нездешним. И с ним считаются. Придают значение. Странно...

Уютной компанией, вместе с Жуковым, его женой и еще парой старых приятелей – спускаются к набережной. Там кабак. Всегда в него после заходят. Раньше заходили. Но без Ольги. Как ее могло не существовать раньше? Ведь не существовало. Сколько раз Герасимов мог сдохнуть от отравления палёнкой? Или с дремучего похмелья на унитазе от внезапного кровоизлияния в мозг? Сколько раз уехать в какую-нибудь глушь и там замерзнуть к херам, заснув на крыльце? Да и не обязательно ему было умирать. Сколько раз он мог не родиться? Сколько раз не родиться и не спускаться сейчас под руку с Оленькой? Или все же родиться, но не человеком...

– Как хорошо, что мы люди.

– Что?

– Будешь коньяк?

Леха передает ей фляжку. С набережной поддает холодком. По еще не сошедшему льду озера друг за другом носятся безумные ветра. Приятно спускаться им навстречу, но знать, что немного не доходя они свернут в теплый кабак, тем самым облапошив ветер. Ольга Дмитриевна, пригубив, возвращает флягу и Герасимов украдкой, прежде чем убрать ее в карман, нежно касается горлышка.

Дуют в озябшие ладони. Смеются. Жуков по-хозяйски проводит их к предварительно заказанному столику. Ему кажется, что все, что сейчас происходит, происходит – в честь него. Его чествование. Леха рад заблуждениям друга. Пока Жуков в них

пребывает, он добродушен, щедр и безобиден. Да и на фоне этого пустого шума, никому незаметно их с Ольгой тайное делание. Истинное чествование. Тайная мистерия сближения.

Прежде чем рассесться, ритуальный хоровод вокруг стола. Кто, где? Герасимов немного нервничает. Нет никаких причин, чтобы его не усадили рядом с Ольгой. С чего бы? Хотя в этом мире все происходит беспричинно. Но вот они рядом. Холодный рок обошел стороной, лишь слегка задев, оцарапав острым локотком душу. Они даже коленками соприкасаются. Под столешницей. Сначала раз другой столкнулись, а потом так и оставили. Позже можно будет добавить руку... обязательно.

Приносят какие-то напитки, яства. Жуков угощает. Заставлен весь стол. Так мало места. Такая пошлость разлита в пространстве. От запахов еды. От людского гомона бестолкового. От всего вокруг. Никакой эстетики. Только Ланская, словно точно высвечена взвездным прожектором из недр таинственного космоса. Герасимов готов взяться за каталогизацию антиэстетики. Составить энциклопедию всемирной пошлости. Она ему сейчас со всей очевидностью явлена на контрасте, на фоне высвеченной Ольги. Последняя страница будет самой сложной. Может и себя придется вписать... скорее всего.

Леха спешит с напитками. Есть – ни за что не будет. Жевать там что-то, пунцоветь щеками, лосниться жиром на губах. Совсем что ли сдурели? Ни в этой вселенной. Ни за что! Ольга Дмитриевна, поддерживая застольную болтовню, тоже аскетична. Виноград переливается янтарем в ее коготках. Блеснет, резанув Леху по глазам, и отправляется в ротик. Там ему самое место. Герасимов хотел бы поменяться... местами... с виноградом. Да хоть бы мелкой косточкой стать, которую кончик ее языка найдет, настигнет в жарких розовых недрах рта, и мягко вытолкнет на салфетку.

Выходят покурить. Кабак располагается уровнем выше первого этажа. Опираются на перила и, свесившись, поглядывают вниз. Люди идут с работ. Завистливо озираются на беспечную парочку. Многие хотели бы сейчас быть ими. Леха это знает. А кто бы ни хотел? Он накинул на плечи Оленьки свою тужурку и закрепил это дело объятием. От них отлетает сигаретный дымок. Молочный, плотный в промозглом вечернем воздухе. Так и будет лететь к

небу, пока не растает. Голова Герасимова совсем легкая. Едва держится на вервии шеи воздушным шариком. Тоже готова к отлету. Ему чуть зябко. Он прижимается к Ланской и об нее греется. Как мог раньше обходиться? В каждой из сигарет остается на пару затяжек. Это сигнал. Отсчет. Не сговариваясь, оборачиваются друг к другу. Целуются. В первую секунду губы прохладные. Но только в первую, которой словно бы и не было. Голова Лехи отлетает, с завихрениями волос раскручиваясь вокруг своей оси. Теперь можно и докурить. Очень вкусные эти последние... отложенные затяжки.

Вернувшись за стол, Герасимов становится громким. Поцелуй окрылил. Удостоверил. Он вам не просто. Видели с кем он? При ком? То-то...

– А помнишь Саня, я за тебя дипломную дописывал? Очередную твою мертвечину реанимировал... Да не обижайся! Выставку вон отгрохал. Опять... сам... Оленьке понравилась... местами... Оленька у меня есть замечательные «Косари». С утра вон, правил. Конечно покажу. Ты Жукова не слушай. Не старая работа. Некоторые десятилетиями пишут... Иванов, например... Выпьем?! Все!.. Я же просто так не могу. Как все. Мне надо, чтобы всякий раз прорыв. Чтобы – как в последний. А иначе, в чем смысл? Как без эстетики?.. Что у них там играет? Пошлятина какая-то! Официантка, можно сменить пластинку?!.. Да не шумлю я!.. Конечно Оленька, покурим. А потом танцевать будем. Только не под это... У тебя такие замечательные ушки. Можно? Извини... Помнишь у Битлз? Строберри филдс. Земляника самая эстетичная ягода. Скромная, некрикливая... спрятанная красота. А вкус какой!.. Как там Питер? Большие города мне кажутся ловушкой. Но с тобой, Оленька... А куда все уходят?! Нет, мы еще посидим. Останемся... Тебе тоже пора?.. Такси?.. Жаль... Не убирайте мое! Еще вернусь! Провожу вот только... Конечно, позвоню. Только отъедешь, сразу и позвоню. Надоем еще, хе-хе... Извини, если я тебя напугал... Просто ты такая прекрасная... неожиданная... Завтра покажу свою мастерскую... работы... как же я без тебя?

Герасимов, пошатываясь на верхней ступеньке, опирался на перила. В руках бережно тискал салфетку с телефонным номером. Ольга спускаясь, обернулась, приложив ладонь к губам и отняв

от них что-то сокровенное, послала в его сторону. В тот момент она была олицетворением той самой новой эстетики, которую Леха так долго ждал. Но затем, на последней ступеньке, Ланская запнулась, угловато покачнувшись на каблуках изломалась щиколотками и, по инерции, нелепо широко расставив ноги и размахивая руками, будто в каждой руке по ведру, забежала вперед, едва не врезавшись в фонарный столб. Оскользнувшись на парапете, туфелькой утонула в желобе ливнёвки, полном талой воды. Привалилась боком белоснежного плаща к замызганному борту такси. Вспомнив о Лехе, смущено обернулась, вновь заряжая ладонь чем-то сокровенным. Но на верхней ступеньке лестницы, его уже не было.

Герасимов с каменным лицом смял салфетку. Вернулся в кабак. Погас взвездной таинственный прожектор. Внезапно... Звучала Строберри филдс. Для него одного. Опять... И где эти пресловутые поляны? Целые поляны земляники, говорите?.. Серьезно?.. А косари там есть?.. Земляничные... Может попробовать написать?..

Об авторе: ВЛАДИМИР ЗАХАРОВ

Прозаик. Выпускник художественно-графического отделения Петрозаводского социально-педагогического колледжа. Учился на филологическом факультете ПетрГУ. Рассказы публиковались в интернет-изданиях, журналах «Нева», «Север», «Дарьял», «Новая литература». Премия конкурса журнала «Нева» – «Невская перспектива» (рассказ «Одиннадцатая заповедь», 2005 г.), именная стипендия имени Роберта Рождественского для одаренных студентов 2004-2005 г. Лауреат 5-ого международного Волошинского конкурса (рассказ «Небо Копейкина», 2007 г.), дипломант 7-ого международного Волошинского конкурса (рассказ «...много хлеба, водки, тушенки...», 2009 г.). Некауалар